

АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.04

Правильная ссылка на статью:

Фабрикант М. С. Исследования общественного мнения о мигрантах в современной России: «предложение» нациестроительства или «спрос» на гордость страной? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 47—60.

For citation:

Fabrykant M. S. Research on public opinion about migrants in contemporary Russia: Supply of nation-building or demand for national pride? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 1. P. 47—60.

М. С. Фабрикант

ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ О МИГРАНТАХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: «ПРЕДЛОЖЕНИЕ» НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА ИЛИ «СПРОС» НА ГОРДОСТЬ СТРАНОЙ?

ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ О МИГРАНТАХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: «ПРЕДЛОЖЕНИЕ» НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА ИЛИ «СПРОС» НА ГОРДОСТЬ СТРАНОЙ?

RESEARCH ON PUBLIC OPINION ABOUT MIGRANTS IN CONTEMPORARY RUSSIA: SUPPLY OF NATION-BUILDING OR DEMAND FOR NATIONAL PRIDE?

ФАБРИКАНТ Маргарита Сауловна — научный сотрудник Лаборатории сравнительных исследований массового сознания НИУ ВШЭ, Москва, Россия; Старший преподаватель факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-MAIL: marharyta.fabrykant@gmail.com, mfabrykant@hse.ru
ORCID: 0000-0001-5707-2943

Marharyta S. FABRYKANT^{1,2} — Research Fellow; Assistant Professor
E-MAIL: marharyta.fabrykant@gmail.com, mfabrykant@hse.ru
ORCID: 0000-0001-5707-2943

¹ Laboratory for Comparative Studies in Mass Consciousness, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

² Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. Сравняется эвристический потенциал двух контекстов для эмпирических исследований и теоретического анализа общественного мнения о мигрантах в современной России. Отмечается, что в российских исследованиях миграций, как и в европейских,

Abstract. The article compares the heuristic potential of two contexts for empirical studies of studies and theoretical analysis of the public opinion on migrants in the contemporary Russia. It states that in the contemporary Russian, same as in European, migration studies this issue appears

преобладает рассмотрение этой темы в контексте нациестроительства (nation-building), вследствие чего изучение представлений о мигрантах часто сводится к изучению отношения к мигрантам как более или менее толерантного. В связи с этим отношение к мигрантам оказывается значимым не столько как самостоятельный предмет исследований, сколько как один из индикаторов степени успешности российской модернизации. По мнению автора, такой подход к исследованиям представлений о мигрантах со стороны «предложения» различных моделей нациестроительства обращается к когнитивной стороне национальной идентичности, не учитывая эмоционально-мотивационные ресурсы. Поэтому он должен быть дополнен подходом со стороны «спроса» на позитивную идентичность, проявляемую как социально разделяемое чувство гордости страной. При этом последнее может по-разному соотноситься с представлениями о мигрантах — в зависимости от конкретных оснований для гордости и специфического для страны контекста, который может меняться, в том числе, направленно.

Ключевые слова: общественное мнение о мигрантах, отношение к мигрантам, национальная идентичность, национализм, патриотизм

Благодарность. Исследование проведено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Введение

Исследования общественного мнения и коллективных представлений о мигрантах, наряду с анализом социально-демографических характеристик миграционных процессов и исследования опыта самих мигрантов, составляют одно из основных

primarily in the context of nation-building. As a result, the research on representations of migrants in mass consciousness is often reduced to studies of attitudes towards migrants as more or less tolerant. Attitudes towards migrants therefore appear not so much as an independent research subject of its own interest as an indicator of the degree of success of the Russian modernization. In the author's opinion, such an approach to studying attitudes towards migrants from the supply side referring to various models of nation-building considers only the cognitive side of national identity while disregarding its emotional and motivational resources. It should be therefore augmented with an approach from side of demand for positive identity manifesting itself as socially shared feeling of national pride. At the same time, the feeling of national pride may be related to attitudes towards migrants in various ways depending on specific grounds for pride and country-specific circumstances, which can change and even be changed on purpose.

Keywords: public opinion on migrants, attitudes towards migrants, national identity, nationalism, patriotism, national pride

Acknowledgment. The study is part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE).

направлений исследований миграционных процессов (migration studies) в современной социологии. Рост популярности антиэмигрантских политических программ, движений и политических лидеров в последние годы вызвал многочисленные упреки в адрес социологов, изучающих представления о мигрантах, особенно в европейских странах и США. Упреки были связаны с чрезмерно оптимистичными прогнозами относительно практического воплощения идеологии мультикультурализма и недооценкой возникших препятствий. При этом остается неясным, в какой мере и каким образом рост популярности антииммигрантской идеологии отражает общие изменения в массовом сознании. Более того, поскольку критика обычно сводится к сомнениям в технике проведения опросов общественного мнения (той самой, которая не вызывает сомнений, когда по другим вопросам дает ожидаемые результаты), то остается неясным, что требуется для более адекватного изучения представлений о мигрантах не в поллстерской практике, а в социологической науке. Помимо техник сбора первичных данных, проблема может заключаться в существующих теоретических подходах, методах анализа данных и способах генерализации и интерпретации результатов.

Все эти составляющие исследования могут быть проблематизированы при рассмотрении исследований коллективных представлений о мигрантах «изнутри» — с точки зрения обоснования отдельного исследования. В данной статье предпринимается противоположная попытка — посмотреть на них «извне», чтобы определить, в какой более широкий тематический контекст встраивается их проблематика в современной России, каковы возможности и ограничения данного контекста и каковы иные, возможно, более эвристичные способы интерпретации результатов исследований. Цель статьи состоит в том, чтобы предложить подход к контекстуализации исследований представлений о мигрантах, который позволил бы связать данную тему с теми сторонами межкультурных отношений, которые, согласно уже имеющимся эмпирическим данным, являются для массового сознания наиболее проблематичными.

Статья структурирована следующим образом. В первом разделе обсуждается, с какими более общими темами связаны исследования общественного мнения о мигрантах в российской социологии и как эти темы соотносятся с подходами, распространенными в Западной Европе и США. Во втором разделе раскрывается внутренняя логика основного контекста российских исследований представлений о мигрантах — дебатов о нациестроительстве (nation-building) и конструировании национальной идентичности. В третьем разделе анализируется связь отношения населения страны к мигрантам и отношения к самому себе — то есть, гордости страной. В заключении приводятся выводы о том, в какие контексты может быть «вписано» отношение населения к мигрантам в современной России.

Исследования общественного мнения о мигрантах: европейский и североамериканский подходы

Встраивание исследования, посвященного конкретной теме, в более общий контекст — не только общее требование к современным научным публикациям, но и содержательная характеристика самого исследования. Ответ на вопрос, о чем говорят полученные результаты, часть какой «истории» они рассказывают, влияет

на выводы не меньше, чем изначальная постановка проблемы, выбор теоретической позиции или методология исследования.

О чем рассказывают исследования общественного мнения о мигрантах? На этот вопрос возможны два ответа — с точки зрения предмета и метода: с какими социальными проблемами связан вопрос о мигрантах в массовом сознании и что нового исследования представлений о мигрантах привносят в социальную теорию?

Ответ на второй вопрос представляется одновременно более очевидным и более универсальным. Представления о мигрантах — это, в более широком смысле, представления о критериях определения внешних границ общества и об организации избирательной проницаемости этих границ, что позволяет конституировать собственную идентичность. Разумеется, идентичность может выстраиваться внутри границ иного рода — профессиональных, гендерных, мировоззренческих. Однако исследования представлений о мигрантах важны тем, что затрагивают одно из ключевых ограничений понимания общества в современной социологической науке — методологический национализм [Beck, Beck-Gernsheim, 2009]. Смысл последнего заключается в том, что в самых разных направлениях социальной теории общество в целом, в отличие от социальных групп, имплицитно понимается как население национального государства современного типа. Таким образом, определение, кто является, а кто не является мигрантом и что представляют собой мигранты, — ключ к пониманию пределов общества в сознании его членов.

Вместе с тем следует помнить, что если вопрос о том, что такое общество, для социологической науки является универсальным, то проблематика представлений о мигрантах актуализировалась относительно недавно в связи с новым, постнациональным историческим контекстом [Koopmans, Statham, 1999; Bloemraad, 2004]. Историческая релевантность исследований миграции в целом и общественного мнения о мигрантах в частности может принимать различные формы, среди которых правомерно выделить два основных подхода — европейский и североамериканский.

В европейских исследованиях проблемное поле миграции обычно встраивается в контекст исследований этничности и национализма. Исторически особый интерес к исследованиям миграции возникает в 1990-е гг. вместе с началом обсуждения глобализации. «Взрывной» рост теорий национализма начинается раньше — в середине 1980-х, когда выходят классические работы Э. Геллнера, Б. Андерсона и Э. Хобсбаума [Anderson, 1983; Gellner, 1983; Ranger, Hobsbawm, 1983]. Соответственно, исследования миграции встраивались в уже существующие концептуальные рамки о прототипической нации и национальном государстве [Wimmer, Glick Schiller, 2002]. Накопленный теоретический ресурс позволяет строить и проверять предположения о том, каким образом миграционные процессы влияют на понимание наций, на перераспределение институциональной власти и субъективных лояльностей между сообществами национального, субнационального и наднационального уровней. В связи с этим исследования миграции и особенно коллективных представлений о мигрантах проводятся для проверки гипотез о содержании и перспективах нового способа организации обществ, который должен прийти на смену национальным государствам и национальным

идентичностям классического, или первого модерна, — гибридных идентичностей, космополитизма, постнационализма и, конечно же, мультикультурализма и толерантности.

Такая контекстуализация исследований мигрантов в европейских исследованиях имела еще одну причину — начавшиеся за десятилетия до современной волны глобализации дебаты об устройстве Европейского Союза. Во-первых, речь идет о его двойной природе — как сообщества граждан и как союза национальных государств. Соотношение этих двух сторон устройства ЕС и способы его законодательной реализации применительно к конкретным сферам разграничения полномочий остаются неполными и частично оспариваемыми. Во-вторых, общий европейский рынок труда добавляет новый, промежуточный уровень между мигрантами и немигрантами, который разрушает удобную бинарную оппозицию «свой-чужой», — выходцев из других стран ЕС. В-третьих, проблема дефицита эмоциональной привлекательности европейской идентичности, которая выходила бы за пределы прагматических выгод от членства в ЕС, ставит вопрос о том, не следует ли позаимствовать отдельные компоненты национальных идентичностей при конструировании европейской идентичности, и если да, то какие именно и каким образом. Таким образом, представления о мигрантах изучаются как часть более общей европейской проблематики трансформаций национальных государств и национальных идентичностей.

В североамериканской социологии исследования общественного мнения о мигрантах проблематизируются иначе [Levitt, Jaworsky, 2007]. Это связано и с историческим контекстом США как «нацией мигрантов», и с относительной географической удаленностью США, по сравнению с Европой, от ближневосточных и африканских стран — источников массовых миграционных потоков. В американской социологии внутренние границы концептуализируются, прежде всего, не по этническому или национальному признаку: более актуальна триада «раса, класс, гендер». Кроме того, вопрос о национальной идентичности в США не связан напрямую с вопросом о внешних границах. До недавнего времени проблематика наций и национализма была, на фоне ее европейской и особенно британской популярности, настолько слабо представлена в американской социологии и смежных социальных науках, что у специалистов в данной области сформировалось представление о том, что «американцы понимают демократию, но не понимают национализм» [Conversi, 2004]. Тем не менее поскольку США изначально возникли как реализация антиабсолютистских идей Просвещения, дебаты о демократии часто играют там роль дебатов о национальной идентичности — не о внешних границах и их проницаемости, а о внутренней сущности и пределах ее гибкости. Историческая составляющая идентичности США как «нации мигрантов» — еще одна часть идентичности, специфичность которой требует переосмысления в условиях, когда и миграция, и демократия приобретают характер нормы даже там, где они еще слабо распространены.

Таким образом, если в европейском подходе проблематика представлений о мигрантах рассматривается в связи с вопросами национальной идентичности как таковой, безотносительно к содержанию идентичностей конкретных наций, то в североамериканском — тема отношения к мигрантам связана с вопросами,

которые значимы и универсальны, и как составляющие североамериканской гражданской нации, при этом второй момент может выноситься за скобки.

К какому из этих двух подходов — американскому или европейскому — ближе изучение общественного мнения о мигрантах в современной России? С чем связывается данная исследовательская проблематика — с поиском формы нациестроительства или с содержательной составляющей национальной идентичности? Для ответа на этот вопрос рассмотрим, каким образом коллективные представления о мигрантах в интерпретации современных исследователей и аналитиков отражают самоопределение российского общества.

Дебаты о нациестроительстве в современной России: траектория движения или поиск границ?

Тематика национальной идентичности актуализировалась как в дебатах внутри страны, так и в международных *Russian studies*, относительно недавно. Ненадолго возникнув в эпоху перестройки и в несколько архаичной форме «национального вопроса», проблема конструирования национальной идентичности до недавнего времени уступала в значимости обсуждению экономических проблем. Вопрос об историческом выборе современного российского общества рассматривался как проблема последовательности или параллельности в модернизации экономических и политических институтов. Сейчас задача построения современной нации занимает равную по значимости позицию, несмотря на то, что в отличие от экономических и политических институтов, в отношении нациестроительства отсутствует сколько-нибудь ясное видение желаемого результата и критериев, по которым можно было бы определить, что результат достигнут. Более того, согласно Э. Паину [Паин, 2015], одному из теоретиков наций и национализма, задача нациегенеза является первоочередной по отношению к модернизации политических институтов: именно нация как коллективный субъект (а, не разобщенные действия отдельных субъектов, как в классическом либерализме) способна к преобразованию собственных политических институтов.

В контексте статьи примечательно, что всплеск дебатов о национальной идентичности и нациестроительстве в современной России начался с проблематизации вопроса о мигрантах. Если судить о происходившем по академическим публикациям, то вопрос о нациестроительстве в России перестал быть прерогативой эксцентричных ультраконсерваторов и занял центральное место в публичном дискурсе тогда, когда был переориентирован с внешней политики на внутреннюю и переформулирован как вопрос об отношении к мигрантам. Имперская версия консервативного русского национализма рассматривала задачу России как отстаивание своих национальных интересов в противовес гипотетическим внешним врагам посредством усиления мощи страны и расширения границ ее влияния. Та позиция, для обозначения которой впоследствии был предложен термин «новый русский национализм» [Kolstø, Blakkisrud, 2016], напротив, видела основной задачей не количественный рост силы и влияния, а содержательное самоопределение. Это самоопределение мыслилось через метафорическое очищение от чуждых элементов, причем чуждость понималась исключительно в этническом смысле.

Интересно, что этнически якобы «чужеродные элементы» маркировались именно как «мигранты» [Tolz, Harding, 2015]. Это обозначение «чужих», с одной стороны, подчеркивало включенность в современный европейский публичный дискурс, с другой — вызвало интерес со стороны исследователей как раз из-за стремления совместить идею модернизации политических институтов с (по крайней мере, частичной) де-модернизацией ценностей. Эта попытка была предпринята на фоне поляризации леволиберальной и консервативной идеологических позиций в западных странах, где отношение к мигрантам стало если не основным моментом разногласий, то, их наиболее узнаваемым маркером: антииммигрантская версия как левого, так и классического либерализма представляется там немыслимой. Неслучайно, антииммигрантская националистическая риторика некоторых сторонников модернизации стала темой публикаций не только в журналах по исследованиям России и Восточной Европы [Moen-Larsen, 2014; Kolstø, 2016], но и в *Journal of Democracy* [Kolstø, 2014]: анализ этой риторики позволил расширить теоретическое понимание идеи демократии как таковой безотносительно к российской специфике.

Применительно к российским реалиям, интерпретации причин и последствий новой антииммигрантской риторики оказались неоднозначными. С одной стороны, вопрос об использовании антииммигрантской риторики расколол сторонников модернизации российского общества на тех, для кого любой вариант националистической идеологии представляется неприемлемым, и тех, кто готов разыгрывать антииммигрантскую карту как средство политической борьбы для продвижения других составляющих своей политической программы. За второй позицией стоят два убеждения — в беспроигрышности националистической пропаганды как средства повышения популярности и в целесообразности выбора из всех возможных вариаций национализма именно антииммигрантской. Первое убеждение основано на представлении об иррациональной эмоциональной притягательности национализма в самых разных исторических контекстах и в сочетании с различными политическими идеологиями. Второе убеждение, помимо общей идеи о простоте и универсальности механизма сплочения против общего врага (который совсем не обязательно должен воплощаться в образе мигранта), по-видимому, заключается в представлении о высокой популярности антииммигрантских настроений в современном российском обществе.

Вопрос о том, насколько правомерно последнее предположение, до сих пор не получил однозначного ответа. С одной стороны, ряд исследователей отмечают некоторую этнизацию национализма в современной России [Semenenko, 2015; Терер, 2016]. С другой стороны, как показали дальнейшие события, более успешной оказалась версия национализма, направленная на усиление внешнеполитического влияния страны в мире. В то же время, согласно данным массовых опросов общественного мнения, накануне появления «нового русского национализма» негативные представления о мигрантах были присущи существенной, но никак не основной части населения. В исследованиях отмечается преобладание негативного или нейтрального отношения к мигрантам над позитивным [Арутюнова, 2008; Мукомель, 2011; Аблажей, 2012] и относительно большая закрытость аттитудов по сравнению с некоторыми, хотя и далеко не всеми европейскими странами. При

этом общественное мнение дифференцировано для разных категорий мигрантов (преимущественно по воспринимаемой степени этнокультурной близости) и различается для разных категорий населения. Как и в других странах, более позитивное отношение к мигрантам наблюдается у жителей крупных городов с более высоким уровнем образования и социальным статусом [Гудков, 2005] и преимущественно связывается населением не с отвлеченной воображаемой угрозой национальной идентичности, а с конкуренцией на рынке труда [Шлыкова, 2010]. Таким образом, речь не идет о недифференцированной иррациональной антииммигрантской направленности. Так, Л. Гудков полагает, что негативное отношение к мигрантам является вторичным результатом поиска объекта для конкретизации недовольства негативными сторонами социальной реальности [Гудков, 2005]. Иначе говоря, образ «чужого» инструментализируется как традиционный «козел отпущения», так что речь идет о переносе вонне недовольства отрицательными сторонами ситуации в стране, — то есть, о границах между внутренним и внешним для современного государства и о мультикультурализме как идеологии, изначально запрещающей такого рода негативные проекции.

Следовательно, контекстуализация исследований коллективных представлений о мигрантах в современной России по европейской модели — через проблематику мультикультурализма и толерантности, а не по американской — через содержательное определение гражданской нации — связано не столько со «спросом» населения на антииммигрантскую версию национализма, сколько с «предложением» дебатов о нациестроительстве со стороны интеллектуалов, вовлеченных в общеевропейскую дискуссию. Необходимость содержательного определения разделяемых принципов для построения гражданской нации — так называемой «национальной идеи» — осознается ими в полной мере, как и сложность этого определения в условиях, когда взгляд на объективно необходимые, по их мнению, социальные преобразования не поддерживается большинством населения. Академически релевантная проблема такой контекстуализации заключается в том, что при подобной постановке вопроса исследования представлений о мигрантах сводятся к изучению отношения к мигрантам как одномерного конструкта. Иными словами, речь идет о степени мигрантофобии (или, напротив, толерантности) и шире — ксенофобии и ее связи с уровнем националистических настроений. Как будет показано в следующем разделе, такая постановка исследовательского вопроса не позволяет выяснить, на какие из предлагаемых интеллектуалами идей сформирован реальный запрос в обществе.

Отношение к мигрантам и «спрос» на гордость стран в современной России

Вопрос о роли отношения к мигрантам и шире — коллективных представлений о мигрантах в конструировании национальной идентичности связан с фундаментальным различием между пониманием национализма в теоретически ориентированных исследованиях наций и национализма и в количественных эмпирических исследованиях национальной идентичности как феномена массового сознания. В исследованиях наций и национализма обсуждается вопрос о происхождении и природе наций и национальных государств современного типа, и национализм трактуется предельно широко — как представление о правомерности и объек-

тивном существовании наций. Такое понятие национализма применимо при историческом анализе отдельных кейсов нациегенеза, однако плохо подходит для сравнительных исследований национальных идентичностей и связанных с ними социальных аттитюдов, поскольку обобщающая трактовка не предлагает критериев сравнения. Поэтому в количественных сравнительных исследованиях закрепилось определение национализма, которое уже и ближе к словарным определениям: под национализмом понимается негативно оцениваемая национальная идентичность, включающая негативное отношение к другим нациям и их представителям. В противовес национализму в узком смысле используется другое понятие — патриотизм, под которым понимается приверженность своей стране/нации/национальному государству, не сопровождаемая ксенофобией или чувством национального превосходства.

В теории эта модель выглядит простой и убедительной. Однако ее эмпирическая проверка дает неоднозначные и разнообразные результаты. Прежде всего, операционализация приверженности стране оказывается непростой задачей. Благодаря универсальности модели современного национального государства, чувство принадлежности к стране/нации разделяется подавляющим большинством, что не позволяет дифференцировать людей по силе национальной идентичности из-за низкой дисперсии соответствующей переменной. Поэтому в современных исследованиях используется другой показатель — гордость страной. Достоинством этого показателя, в отличие от видения себя частью страны, является его эмоциональная, а не чисто когнитивная составляющая. Вместе с тем варианты операционализации в узком смысле национализма и патриотизма показывают, что гордость достижениями страны по-разному связана с ксенофобией вообще и мигрантофобией в частности [Davidov, 2009]. Возможно, эти связи обусловлены историческим контекстом и поэтому существенно различаются в разных странах. Таким образом, дихотомия «плохого» национализма — «хорошего» патриотизма не дает однозначного ответа на вопрос о соотношении национальной идентичности и коллективных представлений о мигрантах.

Из-за выявленного многообразия остается неясным, является ли национальная идентичность и связанное с ней отношение к мигрантам выражением запроса на сохранение существующего общественного мнения по этим вопросам или, напротив, содержит в себе готовность к изменениям. С этим связана фундаментальная ошибка в интерпретации общественного мнения, которую часто разделяют и популисты, осознанно идущие у него на поводу, и социальные реформаторы, ставящие целью трансформацию бытующих в обществе представлений, и даже, в какой-то мере, технократы, игнорирующие общественное мнение при принятии практических решений. Эта ошибка заключается в имплицитной убежденности, что существующие в массовом сознании представления всегда являются именно теми представлениями, подтверждения которых общество хочет слышать в публичном дискурсе. Это можно отчасти соотнести с особой позицией интеллектуалов, для которых генерирование знания — основное ядро профессиональной идентичности, а признание собственной неправоты по сколько-нибудь существенным вопросам — угроза этой идентичности. При этом недооценивается противоположная возможность — возможность того, что преобладающие в обществе представле-

ния отражают негативно оцениваемую действительность, так что носители этих представлений с радостью от них откажутся, как только получат достаточные свидетельства в пользу того, что на самом деле действительность иная.

В этом смысле гордость страной — хороший способ операционализации национальной идентичности, поскольку отражает ее положительную сторону. Очевидно, что если высокий уровень гордости страной скорее будет демонстрировать тенденцию к самоподдержанию и даже усилению, то низкий — не обязательно означает стремление людей, разделяющих это представление, оставаться в ситуации, которая ими самими оценивается как негативная. Напротив, низкий уровень может означать запрос на изменения, которые сделали бы возможной более позитивную национальную идентичность. Тот, кто публично выражает социально разделяемые представления о достижениях страны как относительно невысоких, будет восприниматься большинством как правдивый, однако совсем не обязательно получит массовую поддержку. На поддержку, напротив, скорее сможет рассчитывать тот, кто предоставит убедительные основания — будь то информация об объективных достижениях, более низкий уровень притязаний, относительно которого оцениваются достижения, или новая система представлений — для более высокой гордости страной.

Именно такая ситуация сложилась в последнее десятилетие в постсоциалистических странах, включая Россию. Результаты исследований показывают сходства постсоциалистических стран по этому вопросу, несмотря на все различия в траекториях и результатах переходного периода и исторические особенности нациестроительства. Общая особенность состоит в значимо более низком уровне гордости страной по сравнению с западноевропейскими и относительно благополучными неевропейскими странами, причем даже со странами с сопоставимым уровнем экономического развития [Fabrykant, Magun, 2016]. Эту ситуацию правомерно интерпретировать как наличие массового социального запроса на более позитивную национальную идентичность. Можно сделать предположение, что запрос на рост «национальной самооценки» в массовом сознании россиян сейчас является приоритетным по отношению к вопросу о содержательной специфике российской национальной идентичности, который рассматривается в дебатах о нациестроительстве.

Последствия реализации этого запроса для представлений о мигрантах в российском общественном мнении неоднозначны. С одной стороны, если следовать логике негативного отношения к мигрантам как замещающего негативное отношение к отрицательным составляющим реалий внутри страны, то усиление позитивной национальной идентичности должно привести к снижению такой «замещающей» мигрантофобии. С другой стороны, непосредственным и менее отсроченным эффектом повышения гордости страной может, напротив, стать представление о высокой ценности принадлежности и необходимости защиты и сохранения национальной культуры. Кроме того, гордость страной может приводить к недооценке стоящих перед Россией вызовов, в частности, проблемы уменьшения численности трудоспособного населения, одним из вариантов решения которой является привлечение мигрантов. Наиболее очевидным решением «мигрантского вопроса» стало бы включение представлений о трудностях и ва-

риантах их преодоления, о мигрантах и правомерном отношении к ним в образ России как гражданской нации.

Заключение

Анализ теоретических подходов и эмпирических исследований общественного мнения о мигрантах указывают на то, что в современных российских социальных науках представления о мигрантах контекстуализируются преимущественно по европейскому образцу — через проблемы определения национальной идентичности и межэтнических отношений, — а не по американскому — через рассмотрение отношения к мигрантам в плане соответствия общим принципам, конституирующим гражданскую нацию. При этом, в отличие как от США, ориентированных на поддержку гражданской национальной идентичности, так и от европейских стран, нацеленных на переход от мира национальных государств к постнационализму, процесс нациестроительства в России часто мыслится как незавершенный. Более того, он представляется не как естественный процесс, характерный для определенной эпохи (например, первого модерна), а как задача целенаправленного преобразования общества.

Критика этой идеи указывает на сомнительную правомерность использования понятия нации, пусть даже гражданской, в качестве нормативного идеала, тем более сейчас, когда в тех странах, где это понятие зародилось, нарастает отношение к нациям как к негативному явлению, уходящему в прошлое [Миллер, 2016]. На это можно было бы возразить, что использование какого-либо понятия как нормативного может быть вполне оправдано прагматическими потребностями того общества, которым ограничен круг его использования, безотносительно к более широкому контексту. Однако, как было показано выше, задача поиска модели нациестроительства и путей ее реализации имеет и иные недостатки. Прежде всего, предлагаемая цель содержательного переосмысления национальной идеи и переопределения национальной идентичности плохо согласуется с преобладающим в общественном мнении запросом не столько на прояснение качественных характеристик национальной идентичности, сколько на количественное усиление ее позитивной составляющей — гордости страной. Соответственно, отношение к мигрантам обусловлено не столько представлением о том, как должен к мигрантам относиться носитель российской идентичности, сколько общей национальной самооценкой и воспринимаемыми рисками.

Таким образом, формирование гражданской нации как реализации заранее продуманной стратегии, на наш взгляд, не обязательно является необходимым условием модернизации социальных институтов. Напротив, гражданская нация может мыслиться не как коллективный субъект, осуществляющий собственную трансформацию, а как результат решения других задач — при условии, что они решаются не через циничное манипулирование общественным мнением и его технократическое игнорирование, а посредством осознанного участия граждан, разделяющих понимание стоящих перед обществом задач и путей решения. В этой логике и интеграция мигрантов может мыслиться не как распространяемая «сверху» идеология нормативного идеала толерантности безотносительно конкретных реалий его воплощения (опасность обратной реакции на такую идеологическую

работу показали события последний лет в Европе и США), а через давно известный социально-психологический механизм — участие в совместном решении задачи. В этом смысле мигранты могут пониматься не как проблема и не как объект, по отношению к которому немигранты должны практиковать толерантность, а как субъекты общественных преобразований, способные играть в этом процессе разнообразные роли.

Список литературы (References)

Аблажей Н. Н. Образ трудового мигранта в прессе и массовом сознании россиян [Электронный ресурс] // Электронный архив НГУ. 2012. URL: <http://nsu.ru/xmlui/handle/nsu/9409?show=full> (дата обращения: 19.01.2017). [Ablazhei N. N. (2012) *Obraz trudovogo migranta v presse i massovom soznanii rossiyan* [Image of labor migrant in press and mass consciousness of Russians]. *Elektronnyi arkhiv NGU [NSU electronic archive]*. URL: <http://nsu.ru/xmlui/handle/nsu/9409?show=full> (accessed 19.01.2017). (In Russ.)].

Арутюнова Е. М. Отношение к мигрантам в России и Европе: сравнительный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. 2008. Вып. 3. С. 68—73. [Arutyunova E. M. (2008) *Otnoshenie k migrantam v Rossii i Evrope: sravnitel'nyi analiz* [Attitudes Towards Migrants in Russia and European Countries]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia]*. Issue. 3. P. 68—73. (In Russ.)].

Гудков Л. Д. Смещенная агрессия: отношение россиян к мигрантам // Вестник общественного мнения : Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. Вып. 6 (80). С. 60—77. [Gudkov L. D. (2005) *Smeshchennaya agressiya: otnoshenie rossiyan k migrantam* [Displaced aggression: Russian attitudes towards migrants]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii [Bulletin of public opinion Data. Analysis. Disputes]*. Issue. 6 (80). P. 60—77. (In Russ.)].

Миллер А. И. Нация, или Могущество мифа. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. [Miller A. I. (2016) *Natsiya, ili Mogushchestvo mifa* [Nation, or the Power of Myth]. St Petersburg: Izdatelstvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)].

Мукомель В. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. Социология. Этнология. 2011. Вып. 20 (1). С. 34—49. [Mukomel V. (2011) *Integratsiya migrantov: vyzovy, politika, sotsial'nye praktiki* [Integration of Migrants: Challenges, Policies, Social Practices]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya. [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]*. Issue. 20 (1). P. 34—49. (In Russ.)].

Паин Э. А. Имперский национализм (Возникновение, эволюция и политические перспективы в России) // Общественные науки и современность. 2015. Вып. 2. С. 54—71. [Pain E. A. (2015) *Imperskii natsionalizm (Vozniknovenie, evolyutsiya i politicheskie perspektivy v Rossii)* [Imperial nationalism (emergence, evolution and political prospects in Russia)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporaneity]*. Issue. 2. P. 54—71. (In Russ.)].

Шлыкова Е. В. «Риск» как фактор интолерантного отношения к мигрантам // Социология: методология, методы и математическое моделирование. 2010. Вып. 30. С. 151—180. [Shlykova E. V. (2010) «Risk» kak faktor intolerantnogo otnosheniya k migrantam [«Risk» as a factor of intolerant attitudes towards migrants]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling]. Issue. 30. P. 151—180. (In Russ.)].

Anderson B. (1983) *Imagined communities*. London/New York: Verso.

Beck U., Beck-Gernsheim E. (2009) Global generations and the trap of methodological nationalism for a cosmopolitan turn in the sociology of youth and generation. *European sociological review*. Vol. 25 (1). P. 25—36.

Bloemraad I. (2004) Who Claims Dual Citizenship? The Limits of Postnationalism, the Possibilities of Transnationalism, and the Persistence of Traditional Citizenship. *International migration review*. Vol. 38 (2). P. 389—426.

Conversi D. (2004) Can nationalism studies and ethnic/racial studies be brought together? *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 30 (4). P. 815—829.

Davidov E. (2009) Measurement equivalence of nationalism and constructive patriotism in the ISSP: 34 countries in a comparative perspective. *Political Analysis*. Vol. 17 (1). P. 64—82.

Fabrykant M., Magun V. (2016) Grounded and Normative Dimensions of National Pride in Comparative Perspective. Ch. 6. *Dynamics of National Identity: Media and Societal Factors of What We Are*. Ed. by P. Schmidt, J. Grimm, L. Huddy, J. Seethaler. L.: Routledge. P. 83—112.

Gellner E. (1983) *Nations and Nationalism*. Ithaca: Cornell University Press.

Kolstø P. (2016) Marriage of Convenience? Collaboration between Nationalists and Liberals in the Russian Opposition, 2011—12. *The Russian Review*. Vol. 75 (4). P. 645—663.

Kolstø P. (2014) Russia's Nationalists Flirt with Democracy. *Journal of Democracy*. Vol. 25 (3). P. 120—134.

Kolstø P., Blakkisrud, H. eds. (2016) *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000—2015*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Koopmans R., Statham P. (1999) Challenging the Liberal Nation-State? Postnationalism, Multiculturalism, and the Collective Claims Making of Migrants. *American Journal of Sociology*. Vol. 105 (3). P. 652—696. DOI: 10.1086/210357

Levitt P., Jaworsky B. N. (2007) Transnational migration studies: Past developments and future trends. *Annual Review of Sociology*. Vol. 33. P. 129—156.

Moen-Larsen N. (2014) Normal nationalism: Alexei Navalny, LiveJournal and the Other. *East European Politics*. Vol. 30 (4). P. 548—567.

Semenenko I. (2015) Ethnicities, Nationalism and the Politics of Identity: Shaping the Nation in Russia. *Europe-Asia Studies*. Vol. 67 (2). P. 306—326.

Teper Y. (2016) Official Russian identity discourse in light of the annexation of Crimea: national or imperial? *Post-Soviet Affairs*. Vol. 32 (4). P. 378—396.

Ranger T., Hobsbawm E. eds. (1983) *The Invention of Tradition*. Cambridge University Press.

Tolz V., Harding S. A. (2015) From «Compatriots» to «Aliens»: The Changing Coverage of Migration on Russian Television. *The Russian Review*. Vol. 74 (3). P. 452—477.

Wimmer A., Glick Schiller N. (2002) Methodological nationalism and beyond: nation—state building, migration and the social sciences. *Global networks*. Vol. 2 (4). P. 301—334.